

Н. Н. БОГДАНОВ

«Пятое измерение» Михаила Булгакова*

Нет, — ответила Маргарита, — более всего меня поражает, где все это помещается. <...> Коровьев сладко ухмыльнулся... <...>

— Самое несложное из всего! — ответил он. — Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до чёрт знает каких пределов!

М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

В творческой манере Михаила Булгакова имеется характерный и, кажется, присущий только ему прием: в определенный момент повествования читатель более или менее явно отсылается к какому-либо литературному источнику, без знания которого понимание этого фрагмента в произведении невозможно. Речь не идет об обычных литературных ассоциациях, в той или иной мере расширяющих или уточняющих толкование образа, в принципе прозрачного и без них. Это явление весьма заурядное, прямо-таки наводняющее страницы мировой литературы. Весь смысл рассматриваемого феномена заключается как раз в том, что без знания источника, к которому совершенно сознательно апеллирует автор, понимание его замысла не представляется возможным.

Поспешу пояснить свою мысль на примере. Он почерпнут из главной книги М. Булгакова — романа «Мастер и Маргарита». Как, разумеется, помнит читатель, в первой главе этого произведения «редактор толстого художественного журнала и председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций» Михаил Александрович Берлиоз пытается растолковать недотепе поэту Бездомному его ошибки в изображении образа Иисуса Христа.

* Впервые: Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: межвузовский сб. научн. трудов. Вып. 4 / под ред. Ю. И. Минералова, О. Ю. Юрьевой. М.: Иркутск, 2003. С. 114–125. Публикуется в новой редакции.

Характеризуя Берлиоза, автор подчеркивает, что тот «был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков». «Обнаруживая солидную эрудицию», он, между прочим, мог сообщить и о содержании главы 44-й знаменитых Тацитовых «Анналов», и даже о том месте в них, которое кое-кем считается позднейшей вставкой. Более того, в своих историко-философских экскурсах Берлиоз «забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек...»¹. Не знаю, как воспринимаются эти строчки большинством читателей, но мое ухо улавливает здесь весьма злую иронию. Впрочем, для того, чтобы смутное ощущение переросло в уверенность, требуется, по справедливому замечанию, «какое-нибудь доказательство». Ну, что же, оно будет предоставлено!

Проследим за особенностями полемической манеры председателя Массолита далее, до того момента, когда в беседу Берлиоза с Бездомным включится и неизвестный иностранец в берете:

«— Но, позвольте вас спросить, — после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, — как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?

— Увы! — с сожалением ответил Берлиоз. — Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования Бога быть не может.

— Bravo! — вскричал иностранец. — Bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

— Доказательство Канта, — тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, — также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством»².

Что и говорить, поединок двух «интеллектуалов» выглядит весьма впечатляюще. Особенно для современного читателя, но... откроем IV том (книга VII) Энциклопедического словаря Брокгауза-Эфрона, где в емкой, но все же очень краткой статье «Бог», написанной профессором богословия П. П. Васильевым, нас ожидают следующие, как бы уже знакомые строки:

¹ «Мастер и Маргарита». Гл. 1. «Никогда не разговаривайте с неизвестными» (Булгаков М. А. Избранное. М.: Художественная литература, 1983. С. 14).

² Там же. С. 17–18.

«Так как Кантово доказательство утверждает бытие личного Бога, то против него восстают все пантеисты: Фихте, Шеллинг и Гегель порицают его довольно резко, и Шиллер говорит, что Кант проповедует нравственность, пригодную только для рабов. Штраус насмешливо замечает, что Кант к своей системе, по духу противной теизму, пристроил комнатку, где бы поместить Бога»³.

Так вот он — источник берлиозовской образованности. Как говорится — комментарии излишни! Остается только восхититься изяществом, с которым Булгаков раскрывает перед читателем всю ее поверхностность.

Первый вариант этой статьи был уже напечатан в альманахе Иркутского педагогического университета (2003), когда я познакомился с книгой Александра Зеркалова «Этика Михаила Булгакова». По проницательному наблюдению ее автора, Булгаков обнажает невежество Берлиоза и еще одним, но уже куда более хитроумным способом. В самом деле, при аттестации Герберта Аврилакского (более известного под именем римского папы Сильвестра II), «подлинные рукописи» которого якобы нашлись в Москве «в государственной библиотеке», как «чернокнижника», — образованный человек «должен был поднять брови: вы, мол, имеете в виду знаменитого Сильвестра Второго? Неужто он и впрямь оказался чернокнижником. Очень странно...»⁴. Вот так и выглядит «пятое измерение» булгаковских текстов, благодаря которому писатель с легкостью расширяет художественное пространство своих произведений — расширяет везде, где это кажется ему необходимым.

В рассматриваемой нами теме чрезвычайно важен вопрос о круге источников, к которым будет отсылать Булгаков своих читателей. Осмелюсь предположить, что в первую очередь — это круг чтения обычной интеллигентной семьи того времени, включающий в себя русскую классику и наиболее яркие произведения мировой литературы. Этот круг определялся интимными душевными переживаниями самого писателя, бесценными впечатлениями его детства, через все тяготы бурной жизни пронесенной памятью о «лучших на свете шкапах с книгами, пахнущих таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, “Капитанской Дочкой” и “Саардамским Плотником”»⁵. Впрочем, хорошо знавший Булгакова В. Я. Виленкин

³ Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреева. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1891. Т. 4. Кн. 7. С. 208.

⁴ Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. М.: Текст, 2004. С. 53.

⁵ «Белая гвардия». Ч. 1. Гл. 1. (Булгаков М. А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. М.: Правда, 1989. С. 31).

отмечал в своих воспоминаниях обилие в его личной библиотеке книг не только классиков, но и писателей как бы второго ряда — Вельтмана, Полевого, Нарезного, книги которых «редко встретишь в писательских библиотеках»⁶. Ему вторят другие, даже более осведомленные мемуаристы, в частности — Л. Е. Белозерская⁷ и С. А. Ермолинский⁸. И уж конечно, анализируемый нами прием должен был быть действенным, иными словами, «работающим» для возможно большего числа читателей⁹. Каким представлял себе своего читателя Булгаков, можно заключить из следующего его признания:

«На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю. <...> Из рабочего быта мне писать трудно, я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо. Да и интересуюсь я им мало... <...> Я остро интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги. Значит, я могу писать только из жизни интеллигенции...»¹⁰.

Последуем же за Булгаковым, чтобы увидеть, как работает его прием. Кажется, справедливость наших предположений подтверждает сам Мастер из «закатного» романа писателя.

«Его нельзя не узнать, мой друг! — говорит он Ивану Бездомному, пытаюсь растолковать тому фантастические события душевного вечера на Патриарших прудах, с которых, собственно говоря, и начинается действие романа. — Ну вот... ведь даже лицо, которое вы описывали... разные глаза, брови! Простите, может быть, впрочем, вы даже оперы “Фауст” не слышали?»¹¹ «Лишь только вы стали его описывать, я уже стал догадываться <...> с кем вы вчера имели удовольствие беседовать» — «вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной»¹².

⁶ Виленкин В. Незабываемые встречи // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 287.

⁷ Белозерская Л. Е. Воспоминания. М., 1989. С. 139.

⁸ Ермолинский С. Из записей разных лет // Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 457–458. См., также: Кончаковский А. П. Библиотека «Мастера» // Легенды дома Турбиных. Киев: Кий, 2003. С. 50–91.

⁹ В действенности булгаковского «приема» убеждает нас упомянутая выше книга А. Зеркалова, в большинстве рассмотренных здесь случаев пришедшего к сходным выводам.

¹⁰ «Показания по существу дела». Протокол допроса М. А. Булгакова в ОГПУ 22.09.1926 г. Публикация Г. Файмана // Независимая газета. 1993. 17 ноября.

¹¹ «Мастер и Маргарита». Гл. 13. «Явление героя» (Булгаков М. А. Избранное. С. 135).

¹² Там же.

Ну что же возьмешь с Ивана Бездомного — он, «конечно, человек девственный»! А вот читателю Булгаков любезно предоставляет несколько специфических подсказок, среди которых и трость «с черным набалдашником в виде головы пуделя», и угощение папиросами «Наша марка», явно не предвещающее ничего хорошего. Право, стоит прислушаться к этому разговору:

«— Вы хотите курить, как я вижу? — неожиданно обратился к Бездомному неизвестный. — Вы какие предпочитаете?

— А у вас разные, что ли есть? — мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

— Какие предпочитаете? — повторил неизвестный.

— Ну, “Нашу марку”, — злобно ответил Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному:

— “Наша марка”»¹³.

По давнему наблюдению Л. М. Яновской, цитированная выше сцена живо перекликается со сценой кутежа в погребке Ауэрбаха в Лейпциге из знаменитой трагедии Гете «Фауст». В самом деле:

Мефистофель (взявши бурав, Форшу)
Какого же вина вам выпить любо?

Форш
Как вас понять? Ваш выбор так велик?

Мефистофель
Кто что захочет — и получит в миг.
<...>

Форш
Тогда мне рейнского. Я патриот.
Хлебну, что нам отечество дает¹⁴.

Известно, чем все это закончилось у корифея немецкой литературы — потасовкой посетителей и страшным пожаром в самом погребке. Берлиоз и Бездомный оказываются глухими к подобным намекам. А вот читатель уже может спрогнозировать ситуацию. Напрасно несчастный Мастер в беседе с Иванушкой удивляется Берлиозу, полагая

¹³ «Мастер и Маргарита». Гл. 1. «Никогда не разговаривайте с неизвестными». С. 19–20.

¹⁴ Гете И. В. Избр. произв.: в 2 т. М.: Правда, 1985. Т. 2. С. 210–211.

его человеком «начитанным»! Как мы уже убедились, его эрудиция — лишь «пыль в глаза» неискушенным собеседникам.

Замечательно, что в распоряжении современных исследователей есть документы, позволяющие увидеть, как воспринимался образ «таинственного незнакомца» современниками Булгакова — первыми слушателями его романа. Откроем «Дневник» Елены Булгаковой — последней жены писателя, присутствовавшей при этих, без преувеличения сказать, легендарных чтениях. Вот запись от 27 апреля 1939 г.: «Вчера у нас Файко — оба, Марков и Виленкин. Миша читал “Мастера и Маргариту” — с начала. Впечатление громадное. <...> Миша спросил после чтения — а кто такой Воланд? Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет. Я предложила ему написать. <...> Он написал: сатана. <...> После этого Файко захотел также сыграть. И написал на своей записке: я не знаю»¹⁵.

Воспоминания об этом вечере можно найти и у самого В. Я. Виленкина: «В этом чтении не было ничего случайного, хотя все как будто тут же при нас и рождалось. <...> Помню, что, когда он кончил читать, мы долго молчали, чувствуя себя словно разбитыми. <...> А между тем наше восприятие его явно интересовало. Ведь недаром же, прочитав первые три главы, он вдруг задал вопрос: “А кто такой Воланд, как по-вашему?” Отвечать прямо никто не решался, это казалось рискованным. <...> А еще я помню, как Михаил Афанасьевич, не утерпев, подошел ко мне сзади, пока я выводил своего “Сатану” и, заглянув в записку, погладил по голове. Но его интерес к впечатлениям слушателей вовсе не означал, что он ждет похвал и восторгов»¹⁶.

* * *

Вновь обратимся к роману «Мастер и Маргарита» — к тем его страницам, где рассказывается, как после скандального «сеанса черной магии» и «полного ее разоблачения», душной майской ночью в кабинет финдиректора Варьете Григория Даниловича Римского проникает (так и хочется сказать — бывший!) администратор Иван Савельевич Варенуха. Разумеется, и время для визита выбрано не слишком удачно, и нервы у Римского расстроены сверх всякой меры, и в Варьете творится чёрт знает что. Но разве только этим определяется атмосфера той жуткой ночи, что мастерски выписана Булгаковым? Как бы ни была расстроена

¹⁵ Дневник Елены Булгаковой / публ. В. Лосева и Л. Яновской. М.: Книжная палата, 1990. С. 256.

¹⁶ Виленкин В. Незабываемые встречи. С. 298–299.

психика Римского, он все же способен сообразить, что Варенухе незачем идти в его кабинет, если он, по собственному признанию, полагал, что финдиректора там нет. Да и как же мог он миновать незамеченным ночных дежурных, посты которых находятся возле всех входов в здание Варьете? Совершенно неубедительны и более того, — подозрительны для Римского и рассказы администратора о фантастических похождениях Степы Лиходеева, якобы имевших место в какой-то полумифической шашлычной «Ялта» близ Пушкино. Но в анализе дальнейших событий его разум явно оказывается бессильным. А ведь, как зловеще замечает Булгаков, кроме всего прочего «было кое-что, что представлялось еще более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический рассказ о похождениях в Пушкине, и это что-то было изменением во внешности и в манерах администратора». От цепкого взгляда финдиректора не ускользает, однако, что «полнокровный обычно администратор был теперь бледен меловой нездоровой бледностью, а на шее у него в душную ночь зачем-то было наверхено старенькое полосатое кашне. Если же к этому прибавить появившуюся у администратора за время его отсутствия отвратительную манеру присасывать и причмокивать, резкое изменение голоса, ставшего глухим и грубым, вороватость и трусливость в глазах, — можно было смело сказать, что Иван Савельевич Варенуха стал неузнаваем»¹⁷.

Итак, Римский, несмотря на все свои усилия, уже не способен оценивать происходящее. Другое дело читатель! Ему на память могут прийти первые страницы знаменитой повести гр. Алексея Константиновича Толстого «Упырь», где на балу у капитанши Сугробиной один из гостей возмущается ни больше, ни меньше, как ...присутствием упырей! Мягко говоря, его поведение не совсем понятно... Впрочем, предоставляю слово самим персонажам А. К. Толстого:

«— Скажите мне, — спросил Руневский, каким образом вы узнаете, кто упырь и кто нет?

— Это совсем не мудрено. <...> Заметьте только, как они, встречаясь друг с другом, щелкают языком. Это по-настоящему не щелканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин»¹⁸.

Конечно, рассмотренный эпизод не слишком значителен в сюжете романа. Однако благодаря ему Булгаков достигает изумительного эффекта: давая подсказку читателю, не понятную для героев повествования, он делает первого как бы полноправным участником действия. Когда

¹⁷ «Мастер и Маргарита». Гл. 14. «Слава петуху!» (Булгаков М.А. Избранное. С. 155).

¹⁸ Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1980. Т. 2. С. 7.

еще Римский обратит внимание на отсутствие тени за спиной администратора, а читатель уже знает, *кто* именно пожаловал к несчастному финдиректору. И жутковатый холодок тянется к нему за воротник... Отмеченная подсказка органично вплетается в цепь других, правда несколько иного рода: читатель уже имел возможность узнать и кто такая Аннушка с ее непонятым маслом, и почему стоит поинтересоваться, что же такое шизофрения!

Одновременно становится понятной и роль нелепого кашне, «наверченного» на шею Варенухи. Конечно же, оно призвано маскировать ранку, появившуюся на шее у новоявленного упыря после рокового поцелуя Геллы! И эта ранка столь же определенный знак для вампира, как и странное цоканье при встрече. Вспомним место повести «Упырь», где коллежский асессор Рыбаренко рассказывает о последствиях своей авантюры с ночевкой на villa Urgina:

«Тогда только я заметил, что у него на шее маленькая синяя ранка, как будто от пиявки, но немного более. Я тоже чувствовал слабость и, подошед к зеркалу, увидел у себя на шее такую же ранку, как у Антонио. Владимир ничего не чувствовал, и ранки у него не было. На вопросы мои Владимир признался, что <...> Антонио умолял его, чтобы он с ним в последний раз поцеловался; но Владимир никак не мог на это решиться, потому что его пугало что-то такое во взгляде Антонио»¹⁹.

Как известно, последствия этих «поцелуев» оказались для обоих героев роковыми: и тот и другой погибли как бы под воздействием потусторонних сил. Что ж, Варенуха своим цоканьем слишком торопит события — ведь Римский еще не стал его подельником в душегубстве, но администратор, как видно, абсолютно уверен в успехе своего «визита». Нам же остается только повторить вслед за Булгаковым: «Слава петуху»!

Использование интересующего нас приема позволяет подойти к пониманию и одного из центральных образов романа «Мастер и Маргарита» — Иешуа Га-Ноцри. Следует признать, что мимо внимания большинства исследователей много лет проходило следующее место из диалога Иешуа с пятым прокуратором Иудеи Понтием Пилатом:

«— Откуда ты родом?

— Из города Гамалы, — ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала.

— Кто ты по крови?

— Я точно не знаю, — живо ответил арестованный, — я не помню своих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...»²⁰.

¹⁹ Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 50.

²⁰ «Мастер и Маргарита». Гл. 2. «Понтий Пилат» (Булгаков М. А. Избранное. С. 26).

Действительно, все это «совершенно не совпадает с евангельскими рассказами», но Булгаков, несомненно, ясно сознавал, для чего он вводит в свой текст такие подробности. Подобным образом кодируется информация, что позволит вдумчивому читателю понять, каким именно хотел видеть своего героя автор. Право, не хочется лишать его удовольствия самому проделать этот, не столь уж сложный процесс. Впрочем, одну подсказку — через десять лет после публикации первого варианта этой статьи — думается, уже можно сделать:

«Так необходимую ему Гамалу — Гамалу-открытие, — отмечает Лидия Яновская, — Булгаков нашел в книге А. Барбюса “Иисус против Христа”. На русском языке книга вышла в 1928 году, но в руки Булгакова попала в 1938 или 1939-м. Сделал из книги Барбюса две выписки: “Я думаю, что *в действительности кто-то прошел* — малоизвестный еврейский пророк, который проповедовал и был распят” (подчеркнуто Булгаковым). И, озаглавив (и подчеркнув красным) так: “Гамала”, выписал следующее: “...заставили Даниеля Массе указать на город Гамалу как на место рождения”»²¹.

Вот где собака зарыта! — Булгаков отсылает нас к реально существовавшему еврейскому пророку, родившемуся в городе Гамала. Признаться, на имя этого человека я наткнулся еще в начале 1980-х гг., но отнюдь не в книге Анри Барбюса. Что это за книга? Как звали пророка? — На эти вопросы пусть ответит сам читатель. А, может быть, это и неважно, ведь цель Булгакова ясна и так: всеми средствами он старается убедить читателя в том, что его герой действительно существовал! Согласимся с Л. М. Яновской: «У Булгакова свой взгляд на мир. Взгляд христианский? Безусловно. Церковно-православный? Нет, пожалуй. А какой? <...> Должно быть, свой собственный»²².

* * *

Все перечисленные выше примеры почерпнуты нами со страниц романа «Мастер и Маргарита». А что же можно найти в других произведениях? Одно любопытное место обнаруживается в пьесе «Последние дни»: здесь салонный поэт Бенедиктов читает на публике свое стихотворение «Напоминание» и вдруг, будто неожиданно,

²¹ Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: Прозаик, 2013. С. 480.

²² Там же. С. 472.

сбивается с текста: «Ах, право я забыл... Как... Как...» Цитирование продолжается с нового места, в результате чего теряется несколько строчек. Казалось бы, ну с кем не бывает? Однако, по тонкому наблюдению А. А. Гозенпуда, это стихотворение в свое время вызвало крайне резкое осуждение Виссариона Белинского, указавшего на особенную пошлость именно «забытых» автором строк²³. Таким образом, сколько бы ни упивался дешевой популярностью Бенедиктов, по замыслу Булгакова, истинную цену своим виршам он все-таки знает. И только зависть к дарованию Пушкина заставляет его участвовать в травле первого поэта России.

А вот героя «Театрального романа» Сергея Максудова по ночам мучают странные сны. Например, ему часто снится, что, идя на генеральную репетицию своей пьесы «Черный снег», он забывает надеть брюки. Сначала Максудов еще надеется, что ему удастся проскочить незамеченным, и даже готовится «оправдание для прохожих — что-то насчет ванны, которую он только что брал, и что брюки, мол, за кулисами». Увы, никакие объяснения не помогают, купить газету, чтобы прикрыть «недостаток костюма», не удается, на пальто денег нет, герой прячется в подъезде и с ужасом понимает, что на генеральную он уже опоздал... Опять-таки чего только не приснится измученному жизнью человеку? Однако зададимся вопросом: а кто еще из литературных героев оказывался в подобной ситуации? — Ну конечно же — это подставленный своим «Ванькой» чиновник Попов из шуточного стихотворения гр. А. К. Толстого «Сон Попова» (1873). Ну надо же так оплошать — явиться без панталон на поздравление по случаю именин к самому министру! Но где же оказывается незадачливый Тит Евсеевич после такого конфуза? Дома? В полиции? В психиатрической больнице? — Нет! Его доставляют прямо в III-е отделение! Так вот на что намекает М. Булгаков — Максудов боится не провала своей пьесы, а ареста органами ГПУ. Ведь готовящийся спектакль (как и булгаковские «Дни Турбиных») рассказывает о «черном снеге», то есть — о «белой гвардии»!

Не сомневаюсь, подобные примеры можно множить и множить. Возьмем хотя бы имена сотрудников МУРа, твердой рукой прекращающих деятельность развеселой и разудалой «Зойкиной квартиры» (показательно, что в редакции 1935 г. все они станут безымянными). Странно, но одного из них зовут просто Ванечка. Что и говорить, такое имя мало подходит гэпэушнику. Но нет ли здесь какого-нибудь

²³ Гозенпуд А. А. «Последние дни» («Пушкин»). Из творческой истории пьесы // Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М.: Союз театр. деятелей РСФСР, 1988. С. 161.

намека? — Скажем, отсылки к пьесе А. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» — страстному, отчаянному обличению полицейского произвола и коррупции в самодержавной России? Напомню, что так зовут одного из ее персонажей — сына ловкого проныры Расплюева. Правда, сам Ванечка выполняет малозначительные функции писаря при папаше, вершащего самый свирепый полицейский произвол. Но ведь ко времени «Зойкиной квартиры» его могли и «повысить»? Как известно, после Октябрьского переворота немало сотрудников царской охранки переключалось в правоохранительные органы новой власти, причем далеко не всегда это были равнодушные к политике профессионалы криминалистики и уголовного сыска. Увы, куда больше в этих рядах оказалось бывших филеров и провокаторов, часто игравших роль двойных агентов, а также и коррупционеров всех мастей. Как и прежде, новая служба рассматривалась ими лишь как средство к дальнейшему обогащению.

* * *

Предлагаемый подход позволяет оценить творческий замысел и в самой, наверное, загадочной пьесе Булгакова — печально известном «Батуме». Возьму на себя смелость утверждать, что с заявленных здесь позиций она предстает в совершенно определенном свете. Ключевой в этом смысле можно считать картину четвертую из второго действия пьесы. В ней кутаисский военный губернатор беседует с жандармским полковником Трейницем о последних событиях в Закавказье:

«Трейниц. По моим сведениям, в Батуме сейчас работает целая группа агитаторов во главе с Пастырем.

Губернатор. Пастырем? А это еще кто? <...>

Трейниц. Да вот, не угодно ли! На мою телеграмму о приметах они отвечают буквально. (Вынимает из портфеля листок, читает). “Джугашвили. Телосложение среднее. Голова обыкновенная. Голос баритональный. На левом ухе родинка”. Все.

Губернатор. Ну, скажите! У меня тоже обыкновенная голова. Да, позвольте! Ведь у меня тоже родинка на левом ухе! Ну да! (Подходит к зеркалу). Положительно, это я!

Трейниц. Ну, не совсем так, ваше превосходительство. Дальше, телеграфирую: “Сообщите впечатление, которое производит его наружность?” Ответ: “Наружность упомянутого лица никакого впечатления не производит”»²⁴.

²⁴ Булгаков М. Избранные произведения. Киев: Дніпро, 1990. С. 391–392.

Это место показалось подозрительным еще Ф. Н. Михальскому, который слышал пьесу в чтении самого автора и высказал предположение, что могло сыграть роль в ее запрещении — «цыганка, родинка, слова, перемежающиеся с песней»²⁵. В самом деле, не ассоциируется ли цитированный выше разговор с каким-то другим, давно и хорошо нам знакомым? Откроем повесть А. С. Пушкина «Дубровский» в том ее месте, где Кирила Петрович Троекуров отечески инспектирует впервые приехавшего к нему в гости исправника:

«Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностью и стал читать нараспев.

“Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей”.

“От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось».

— И только, — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! По этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься с кем Бог тебя свел”»²⁶.

Напомню, что всего минуту спустя, как ни в чем не бывало, Троекуров будет рекомендовать гостям «своего француза» — месье Дефоржа (под личиной которого, как известно, и скрывается Владимир Дубровский), допущенного за общий стол, благодаря чему этот лжеучитель обретает возможность вместе со всеми прочими прослушать приметы на самого себя.

Что и говорить, смелость Булгакова в рассмотренном эпизоде головокружительна: сравнить «отца народов» и «лучшего друга всех писателей СССР» с каким-то лесным разбойником, отщепенцем, порвавшим со своим кругом, своим родом, своим домом! Только это еще не все: разбуженная память услужливо преподносит и еще одну литературную реминисценцию. — Конечно же, речь идет о трагедии Пушкина «Борис Годунов»! Вспомним знаменитую сцену в корчме, на литовской границе, где странствующий монах Варлаам, перед которым замаячила перспектива виселицы, вне себя от гнева и страха читает бумагу с приметами Гришки Отрепьева: «А ростом он мал, грудь широкая, одна

²⁵ Дневник Елены Булгаковой. С. 284.

²⁶ Пушкин А. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1969. Т. 5. С. 118–119.

рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая»²⁷.

Разумеется, большинство граждан СССР знало Иосифа Сталина по сильно приукрашенным портретам, однако тот, кому довелось хоть раз видеть «вождя народов» воочию, уже не мог забыть рыжеватый бобрик и изъеденные оспой щеки низенького человечка с сохнувшей левой рукой. Вряд ли будет преувеличением считать, что собратья Булгакова по писательскому цеху, даже те, кто отнюдь не был поклонником И. Сталина, скорее согласились бы лишиться рук, чем написать такие строки!

Сомневаться в личной смелости Булгакова, много лет в одиночку противостоявшего оголтелому поношению со всех сторон, нет оснований. И все же в голове не укладывалось, как мог, как *мог* житель «Страны Советов», пусть даже затравленный властью и «собратьями по перу», отважиться на такой шаг? Размышляя над этим будоражающим вопросом, я долго склонялся к одному, казалось, вполне резонному заключению. Дело в том, что, по свидетельству многих мемуаристов, Булгаков всю жизнь был уверен в некоем роковом, совершенно неотвратимом событии, а именно: что он умрет от той же болезни и в том же возрасте, что и его отец. Как известно, профессор Киевской духовной академии А. И. Булгаков скончался весной 1907 г., в возрасте всего лишь 47 лет. Для самого писателя отмеренный им срок приходился на март 1939 г. Даже беглое знакомство с биографией Булгакова показывает: именно к этому времени он всеми силами стремился закончить свое главное произведение — роман «Мастер и Маргарита». Слава Богу, цели достигнуть удалось — полная редакция этого шедевра мировой литературы была создана к лету 1938 г. Таким образом, можно было думать, что весной 1939 г. для Булгакова начиналась своего рода «новая жизнь», и в этом смысле пьесе «Батум» писал уже *другой* человек! Человек, способный на самый отчаянный риск в своем стремлении вырваться из удушающих его рамок общественной жизни!

Однако, как это часто бывает, все оказалось гораздо проще. Весной 1936 г. в СССР вышла книга А. Барбюса «Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир». При создании своего опуса французский писатель-коммунист и «большой друг нашей страны» использовал документы из архива Департамента полиции; видимо, с санкции самого генсека они были предоставлены ему ведомством ГПУ²⁸. Среди прочего А. Барбюс цитировал и впечатление

²⁷ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 3. С. 279.

²⁸ Подробнее см.: Нинов А. А. Примечания к пьесе «Батум» // Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПб.: Искусство-СПб., 1994. С. 666.

одного из полицейских чинов, лично сталкивавшегося с молодым Сталиным и вынесшего о нем следующее впечатление: «Джугашвили, Иосиф Виссарионович. Телосложение среднее... Голос низкий... На левом ухе родинка... Склад головы обыкновенный... Впечатление, производимое наружностью, обыкновенное».

Мог ли Булгаков не почувствовать в этих строчках «пушкинского контекста»? — Как много позже уловил его здесь М. С. Петровский²⁹, как позже, независимо от замечательного киевского литературоведа, почувствовал его и я? Позволю себе предположение: не мог!

Но как же реагировали на пьесу «взыскательные» слушатели: режиссура, дирекция Художественного театра, заказавшего пьесу о Сталине и собиравшегося ее ставить «в самом срочном порядке»? Снова процитируем дневник Елены Булгаковой: «В Театре в новом репетиционном помещении — райком (! — Н. Б.), театральные партийцы (! — Н. Б.) и несколько актеров: Станицин, Соснин, Зуева, Калужский, молодые актеры, Свободин, Ольга <Бокшанская>, еще кто-то. Слушали замечательно, после чтения очень долго, стоя аплодировали (!!! — Н. Б.). Потом высказывания. Все очень хорошо. Калишьян в последней речи сказал, что Театр должен ее поставить к 21 декабря» (запись от 27 июля 1939 г.)³⁰.

Думается, вот *это*, именно вот это, а не что-нибудь другое, и сломало в конце концов автора! «Боже, ради кого, ради чего я все это пишу!» — так мог воскликнуть несчастный Мастер, столкнувшись с подобной реакцией своего окружения. Страх перед всепоглощающим молохом тоталитарного государства закрывал глаза, сковывал ум и не позволял людям верно оценивать окружающее, отличать черное от белого, памфлет от панегирика, наглую халтуру от подлинного служения идеалам искусства. «Сдавайтесь, уже все сдались!» — таков был общий призыв к Булгакову. Призыв исторгали даже друзья или те, кто причислял себя к таковым. Да только он-то «сдаться», т. е. ринуться по дороге приспособленчества и беспросветной халтуры, подобно бесчисленным пончикам-непобедам, роящимся в писательской среде, — не мог!

Интересно, что сам Сталин оказался куда более чутким читателем и отказал пьесе в праве на постановку, мотивировав свое решение поразительно по тем временам «нейтрально».

«Нельзя такое лицо, как И. В. Сталин, — запишет в своем дневнике Е. С. Булгакова переданные ей “сверху” слова, — делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова»³¹.

²⁹ Петровский М. Дело о «Батуме» // Театр. 1980. № 2. С. 166.

³⁰ Дневник Елены Булгаковой. С. 273.

³¹ Там же. С. 279.

Полноте, а чем же занимались многочисленные лизоблюды в писательском обличье?! Но «в получении оплеухи» Сталин «расписываться» не пожелал. Однако это уже ничего не могло изменить — многолетняя игра в «кошки-мышки» между «поэтом» и «царем» закончилась: через несколько месяцев замечательного мастера русской литературы, обладавшего потрясающим по богатству возможностей талантом, не станет. Мрачные предчувствия Булгакова сбылись с какой-то мистической точностью: лишь на год отступив от предполагаемого срока, он умер в марте 1940 г., от *той же* болезни, что и отец.

